

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.581

С. А. Симатова

**ЧАСТИЦЫ КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ
В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Пекинский университет языка и культуры,
15 Xueyuan Rd, Haidian, Beijing, Китай

Статья посвящена рассмотрению частиц как одного из способов выражения модальности в китайском языке. В статье представлены взгляды китайских лингвистов на категорию модальности, затронута проблема соотношения модальности, экспрессивности и эмоциональности. Дается подробное описание класса модальных частиц китайского языка: рассматривается проблема номинации модальных частиц, обсуждается вопрос об их количестве и основных признаках, разбираются классификации, приводятся результаты исследования по определению самых употребительных модальных частиц китайского языка и их наиболее часто реализуемых значений. Библиогр. 34 назв. Табл. 1.

Ключевые слова: модальность, экспрессивность, эмоциональность, модальная (фразовая, конечная, эмоционально-экспрессивная) частица.

PARTICLES AS A MEANS OF EXPRESSING MODALITY IN CHINESE

S. A. Simatova

Beijing Language and Culture University, 15 Xueyuan Rd, Haidian, Beijing, China

The paper discusses particles as a means of expressing modality in Chinese. The paper gives a detailed review of Chinese linguists' studies on the category of modality and touches upon the problem of modality, expressivity and emotionality correlation. The paper gives detailed data on Chinese modal particles: their nomination, number, essential characteristics, and classifications. Furthermore, the author presents research results on the most frequently used Chinese modal particles and their contextual meanings. Refs 34. Tables 1.

Keywords: modality, expressivity, emotionality, modal (phrasal, ending, emotionally expressive) particle.

Модальность как лингвистическое явление в отечественном языкознании изучена достаточно подробно. Разные аспекты данной функционально-семантической категории затрагивались в исследованиях таких ученых, как В. В. Виноградов, Г. А. Золотова, В. З. Панфилов, Е. В. Падучева, А. В. Зеленщиков, Г. Я. Солганик. Однако большинство исследований проводилось либо на базе русского языка, либо на базе

европейских языков. Комплексных трудов, описывающих модальность китайского языка, в отечественном языкознании нами обнаружено не было. Это подтверждает необходимость разработки данной темы отечественными лингвистами.

Изучение такого способа выражения модальности в китайском языке, как модальные частицы, безусловно, необходимо и значимо для любого, кто стремится хорошо овладеть этим языком. Речь иностранца, который часто использует модальные частицы при общении на китайском языке, выглядит более приближенной к речи носителей языка. Разработка проблемы модальных частиц китайского языка интересна также и ввиду их своеобразия по сравнению, например, с модальными частицами русского языка. Как и в случае проблемы категории модальности китайского языка, на сегодняшний день нам не удалось обнаружить в отечественном китаеведении комплексного исследования, посвященного модальным частицам китайского языка.

Прежде чем перейти к рассмотрению модальных частиц китайского языка, необходимо затронуть вопрос о понимании категории модальности в китайском языкознании. Мы намеренно не будем подробно останавливаться на трактовках категории модальности в западном и отечественном языкознании, так как они уже описаны достаточно подробно.

В процессе исследования нами было обнаружено, что вплоть до конца XIX в. категории модальности в китайском языкознании не уделялось должного внимания. В связи с достаточно поздним началом изучения вопроса универсальная система описания категории модальности китайского языка в данный момент отсутствует. Например, Чэнь Линьцзюнь (陈林俊 — Chén Línjùn) в статье об исследовании категории модальности современного китайского языка говорит об отсутствии четкого разграничения в китайском языке понятий «наклонение» и «модальность». Автор статьи утверждает, что «в отличие от достаточно прочной системы категорий наклонения и модальности в английском языке, в китайском языке в настоящее время, похоже, не создано сходной системы, включающей две четко разграниченные категории» (“相对于英语比较健全的 mood 和 modality 体系, 目前汉语似乎还没有构建起类似的包含两个具有明确相对性概念的范畴体系” — “Xiāngduìyú yīngyǔ bǐjiào jiànquán de mood hé modality tǐxì, mùqián hànyǔ sìhū hái méiyǒu gòujiànqǐ lèiside bāohán liǎngge jù yǒu míngquè xiāngduìxìng gàiniànde fànchóu tǐxì”) [1, с. 56].

В большинстве источников рассмотрение истории изучения модальности в Китае начинается с упоминания первого комплексного труда по грамматике Ма Цзяньчжуна (马建忠, 《马氏文通》 — Mǎ Jiànzhōng, “Mǎshì wéntōng”). Основываясь на исследованиях модальности и наклонения западных ученых, китайский лингвист установил взаимосвязи между интонацией и служебными словами в китайском языке. Отдельно в его работе говорилось о взаимосвязи служебных глаголов с интонацией. Однако в одной из статей современных китайских лингвистов мы обнаружили имя еще одного ученого, который затронул вопрос о категории модальности в китайском языке еще в XVIII в. [2]. Это был Юань Жэньлинь (袁仁林 — Yuán Rénlín), который рассматривал взаимосвязь служебных слов и частиц китайского языка с интонацией. Если говорить о более ранних периодах, то тогда существовали лишь толкования отдельных слов, способных выражать определенную модальность предложения. В качестве примера можно привести толкования в словаре Сюй Шэня

«Шовэнь цзецзы» (许慎, 《说文解字》 — Xǔ Shèn, “Shuōwén jiězì”), созданном в I в. н.э. Теоретических же исследований в то время не было вовсе.

Как отмечается в одном из источников, основным направлением в исследовании модальности китайского языка всегда было изучение вспомогательных глаголов и выражаемых ими значений [3, с. 25]. Среди ученых, работавших в данном направлении, можно назвать Хуан Юйчуна (黄郁纯 — Huáng Yùchún) и Се Цзялина (谢佳玲 — Xiè Jiālíng).

Системным изучением категории модальности в китайском языке впервые занялся Хэ Ян (贺阳 — Hè Yáng). Считается, что именно он ввел термин для обозначения модальности китайского языка: вместо применяемого раньше английского слова *modality* стало использоваться китайское слово 语气 (yǔqì). Хэ Ян создал достаточно подробную систему категории модальности, на основе которой в начале 2000-х годов проводили исследования Ци Хуян (齐沪扬 — Qí Hù yáng) и Вэнь Солин (温锁林 — Wēn Suǒlín). Другой современный лингвист, Тан Тинчи (汤廷池 — Tāng Tíngchí), рассуждал о способах выражения модальности в китайском языке, всего он выделил три способа: модальные частицы (情态语气词 — qíngtài yǔqìcí), модальные наречия (情态副词 — qíngtài fùcí) и модальные глаголы (情态动词 — qíngtài dòngcí) с модальными прилагательными (情态形容词 — qíngtài xíngróngcí) [цит. по: 3, с. 32]. Очень интересной нам кажется точка зрения на категорию модальности Лу Чуаня (鲁川 — Lǔ Chuān), который относит к ней все субъективное. Эта точка зрения в настоящее время активно обсуждается китайскими лингвистами.

Наше особое внимание привлекла система категории модальности китайского языка, разработанная современным лингвистом Цуй Силян (崔希亮 — Cuī Xīliàng). Он разделил категорию модальности на три основных вида: так называемую прямую модальность (直陈情态 — zhíchén qíngtài), имеющую связь с субъективным отношением говорящего к высказыванию и выражаемую с помощью интонации; событийную модальность (事件情态 — shìjiàn qíngtài), раскрывающую сущность ситуации, которая отображается в высказывании, и выражаемую посредством модальных наречий, собственно глаголов и дополнительных глагольных элементов (глагольных модификаторов); модальность возможности, желания, долженствования (能愿情态 — néng yuàn qíngtài), выражаемую с помощью модальных глаголов [цит. по: 3, с. 35–36]. Первые два типа модальности очень сильно напоминают дифференциацию категории модальности в западном языкознании: прямую модальность можно связать с субъективной модальностью, а событийную модальность — с объективной.

В китайском языке можно выделить несколько лексических единиц, которые на русский язык переводятся как «модальность». К сфере лингвистики относятся две: 情态 (qíngtài) и 语气. В современном китайском толковом словаре 情态 определяется как 神态 (shéntài), что означает 神情态度 (shénqíng tàidu: досл. «настроение и отношение»), т.е. это отношение говорящего к тому, что он говорит [4, с. 1213]. 语气 имеет два значения: 说话的口气 (shuōhuàde kǒuqì: интонация) и 表示陈述、疑问、祈使、感叹等分别的语法范畴 (biǎoshì chénnshù, yíwèn, qíshǐ, gǎntàn děng fēnbíede yǔfǎ fànchóu: грамматические категории, служащие для обозначения повествования, вопроса, побуждения, восклицания и т.д.) [4, с. 1665]. Таким образом, 情态 — это абстрактное понятие, заключающееся в отношении высказывания к действительности

и в отношении говорящего к высказыванию, а 语气 — это интонационное и грамматическое выражение данного отношения.

Рассмотрим несколько определений категории модальности, сформулированных современными учеными. Упомянутый выше Хэ Ян отождествляет понятия 情态 и 语气. Он дает следующее определение категории модальности: модальность — это «субъективное понимание говорящим высказывания, выраженное через грамматические формы» (“通过语法形式表达的说话人针对命题的主观意识” — “Tōngguò yǔfǎ xíngshì biāodáde shuōhuàrén zhēnduì mìngtíde zhǔguān yìshì”) [цит. по: 3, с. 29]. Сходной точки зрения придерживается и Ци Хуан. По-своему интерпретируют категорию модальности Тан Тинчи и Лу Чуань. Оба они называют модальность термином 情态. Первый определяет модальность как «точку зрения или отношение говорящего к содержанию высказывания, включая суждение по поводу истинности, смысла, степени желательности, вероятности, необходимости и других компонентов высказывания» (“说话者对于句子命题内容的观点或心态, 包括对于命题真伪、认知、愿望、盖然性、必然性等的判断” — “Shuōhuàzhě duìyú jùzi mìngtí nèiróngde guāndiǎn huò xīntài, bāokuò duìyú mìngtí zhēnwěi, rènzhī, yuànwàng, gàiránxìng, biránxìng děngde pànduàn”) [цит. по: 3, с. 32]. Второй полагает, что категория модальности — это «суждение и оценка говорящим объективных событий на основании своего субъективного подхода и своей субъективной точки зрения» (“言者基于其主观的立场、观点而对客观事物的判断和评议” — “Yánzhě jīyú qí zhǔguānde lìchǎng, guāndiǎn ér duì kèguān shìwùde pànduàn hé píngyì”) [цит. по: 3, с. 34]. Очень необычная трактовка модальности принадлежит Вэнь Солиню. Он называет модальность термином 口气 (kǒuqì) и определяет как «чувства и отношение говорящего к высказыванию» (“说话人对所述命题的情感和态度” — “Shuōhuàrén duì suǒshù mìngtíde qínggǎn hé tàidu”) [цит. по: 3, с. 32]. Хотя применение к модальности термина 口气 не является общепринятым, определение, предложенное Вэнь Солинем, на наш взгляд, кратко и понятно раскрывает сущность этой категории, и поэтому может считаться удачным.

Все рассмотренные выше определения модальности так или иначе связаны с отношением говорящего к высказыванию. В определениях отечественных ученых, например В. В. Виноградова и А. В. Зеленщикова, в отличие от определений китайских лингвистов, модальность определяется как отношение высказывания или сообщения к действительности. Несмотря на подобное расхождение, нельзя сказать, что китайские и отечественные лингвисты по-разному воспринимают категорию модальности. И В. В. Виноградов, и А. В. Зеленщиков говорят о том, что отношение высказывания к действительности всегда устанавливается говорящим лицом, а значит, подразумевает и его субъективное отношение к сообщаемому. Таким образом, мы можем в общем обозначить категорию модальности как отношение высказывания к действительности, определяемое через субъективное отношение говорящего. Более конкретно — модальность есть «функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [5, с. 303].

На вопрос о том, что отнести к сфере модальности, нельзя ответить однозначно. Об этом можно судить по определениям модальности разных лингвистов: одни говорили о модальности исключительно с точки зрения возможности, действительности и необходимости, другие относили к ней помимо всего прочего, чувства и эмоции говорящего. Рассматривая модальные частицы китайского языка, мы пришли к вы-

воду, что категория модальности, а именно категория субъективной модальности, тесно взаимодействует с категориями экспрессивности и эмоциональности.

Согласно лингвистическому энциклопедическому словарю, «смысловую основу субъективной модальности образует понятие оценки в широком смысле слова» [6, с. 2752]. Г. Я. Солганик в своей работе упоминает модальнооценочные слова, что также подтверждает связь модальности с категорией оценки [7]. Как отмечает В. И. Горелов, «экспрессия обычно содержит оценку» [8, с. 14]. Соответственно модальность и экспрессивность тесно взаимосвязаны, так как обе сопоставимы с категорией оценки. Вывод о тесном соприкосновении данных категорий можно сделать и через их определения. Ранее мы обозначили категорию модальности как отношение высказывания к действительности, определяемое через *субъективное отношение говорящего*. Экспрессивность в свою очередь определяется как «совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство *субъективного выражения отношения говорящего* к содержанию или адресату речи» [6, с. 5468]. Исходя из этих определений, можно сказать, что и модальность, и экспрессивность предназначены для выражения субъективного отношения говорящего к высказыванию. Взаимосвязь категорий модальности и эмоциональности не вызывает сомнений, поскольку эмоции — это одна из форм выражения субъективного отношения говорящего.

Открытым остается вопрос о характере взаимосвязи между категориями модальности, экспрессивности и эмоциональности. В лингвистическом энциклопедическом словаре к формам реализации субъективной модальности помимо прочего относятся специальные интонационные средства для акцентирования удивления, сомнения, уверенности, недоверия, протеста, иронии и других *эмоционально-экспрессивных оттенков* субъективного отношения к сообщаемому [6, с. 2753]. Очевидно, что данные интонационные средства будут относиться к категориям экспрессивности и эмоциональности. Кроме того, в этом же словаре отмечается, что в смысловую основу субъективной модальности включаются не только логическая (рациональная) квалификация сообщаемого, но и разные виды *эмоциональной (иррациональной) реакции*. О. М. Гутлиб в своей диссертации относит к сфере категории модальности *эмоциональное освещение содержания высказывания* [9], говоря тем самым о категории эмоциональности, а так как экспрессивность тоже напрямую связана с выражением эмоций, то и о категории экспрессивности. Исходя из двух представленных точек зрения, эмоциональность и экспрессивность следует считать частями модальности, участвующими непосредственно в реализации данной категории.

Именно такой вывод делает Т. В. Романова в монографии «Модальность. Оценка. Эмоциональность». Она говорит о том, что категории модальности, экспрессивности и эмоциональности «не тождественны содержательно, а находятся в отношениях части и целого» [10, с. 19]. Категории экспрессивности и эмоциональности Т. В. Романова объединяет под термином «категория эмоциональной экспрессии» и считает ее ядром субъективной модальности. В качестве объективного основания для включения эмоциональной экспрессии в сферу модальности Т. В. Романова приводит факт о том, что эмоциональная экспрессия — это специфическая форма отношения человека к миру, т. е. отношения говорящего к высказыванию, а через него и к действительности, а это по своей сути и есть модальность. Именно такой подход,

с нашей точки зрения, целесообразно использовать при рассмотрении модальных частиц китайского языка.

Частицы представляют собой слова полуграмматического, полулексического типа. Согласно определению В.И. Горелова, «частицы либо выражают отношения между членами предложения (частями сложных предложений), либо служат средством эмоционально-смыслового выделения членов предложения (частей сложных предложений), либо, наконец, вносят в предложение добавочные смысловые значения и экспрессивные оттенки» [11, с. 79]. Последнюю функцию можно отнести к модальным частицам, которые вносят в предложение дополнительное модальное значение, выражая отношение говорящего к сообщаемому. По определению Е. И. Шутовой модальные частицы китайского языка — это «класс неэтимологизируемых служебных элементов, ставящихся в конце предложения или после того или иного структурного сегмента в конце предложения в целях выражения тех или иных оттенков экспрессивно-модального отношения говорящего к содержанию высказывания» [12, с. 74]. Представленное определение модальных частиц китайского языка выглядит достаточно полно, однако хотелось бы сделать два уточнения: модальные частицы китайского языка не обязательно ставятся в конце предложения; выражение «экспрессивно-модальное отношение говорящего к содержанию высказывания» выглядит несколько громоздко, особенно если учесть широкое понимание модальности, где экспрессивность является ее частью. В связи с отмеченными противоречиями можно определить модальные частицы китайского языка как класс неэтимологизируемых служебных элементов, ставящихся в конце предложения или после того или иного структурного сегмента предложения в целях выражения тех или иных модальных значений.

Одной из проблем, связанных с классом модальных частиц китайского языка, является проблема их номинации. Более или менее нейтральными терминами, которые можно использовать для номинации класса модальных частиц китайского языка, являются «фразовые частицы» и «конечные частицы». Термин «фразовые частицы» говорит об одной из главных особенностей модальных частиц китайского языка: о том, что они, как правило, относятся ко всему предложению в целом. Именно этот термин используют в своих работах Тань Аошуан [13], Е. И. Шутова [12] и В. И. Горелов [8; 11]. Термин «конечные частицы» указывает на основное местоположение модальных частиц китайского языка в предложении. Этому термину отдают предпочтение в своих учебниках китайского языка Т. П. Задоев и Хуан Шуин [14; 15; 16], А. М. Карапетянц и Тань Аошуан [17; 18]. Данный термин также используется в монографии В. И. Горелова [11].

Наиболее спорными терминами, которые применяются по отношению к рассматриваемому классу частиц китайского языка, являются «модальные частицы» и «эмоционально-экспрессивные частицы». Сложность выбора между указанными терминами объясняется уже упомянутой проблемой соотношения модальности, экспрессивности и эмоциональности. Разумеется, данные термины можно применять в зависимости от контекста: при рассмотрении модальных значений частицы называть ее модальной, а при рассмотрении эмоционально-экспрессивных значений — эмоционально-экспрессивной. Такую попытку, к примеру, делает в своей работе М. Г. Фролова [19], рассматривая, в основном, лишь те значения частиц, которые связаны с возможностью, желательностью, необходимостью, т. е. с традиционно мо-

дальными значениями. Однако в китайском языке разграничение модальных и эмоционально-экспрессивных значений частиц, с нашей точки зрения, нецелесообразно, а зачастую и невозможно, поскольку одна частица в одном предложении может выполнять и модальную, и эмоционально-экспрессивную функцию одновременно (например, интонация удивления связана и с модальностью, и с экспрессивностью). Кроме того, ранее мы уже определили, что будем рассматривать модальность более широко, включая в ее сферу эмоциональность и экспрессивность (конкретнее — в сферу субъективной модальности).

В связи с тесным соприкосновением модальных и эмоционально-экспрессивных значений фразовых частиц китайского языка условно к ним можно применить термин «модально-экспрессивные частицы», который обычно применяется лингвистами по отношению к частицам японского языка. Однако в российском китаеведении этот термин еще не закрепился, следовательно, его использование было бы не совсем верным. Поэтому, учитывая то, что мы рассматриваем категорию модальности более широко, наиболее приемлемым термином для изучаемого класса частиц китайского языка можно считать термин «модальные частицы». Именно этот термин используется в большинстве изученных нами источников. Только этому термину отдается предпочтение в справочнике по грамматике М. Г. Фроловой [19], в грамматическом справочнике «300 грамматических правил» [20], в монографии В. А. Курдюмова [21], в учебнике китайского языка А. Ф. Кондрашевского [22; 23]. Вместе с терминами «фразовые» и «конечные» термин «модальные частицы» используется в учебнике китайского языка А. М. Карапетянца и Тань Аошуан, а также в монографиях Тань Аошуан и Е. И. Шутовой.

Еще одним аргументом в пользу выбора термина «модальные частицы» для номинации рассматриваемого класса частиц может служить неразграничение их модальных и эмоционально-экспрессивных значений в китайских справочниках и учебниках, где в большинстве случаев применяется единый термин — 语气助词 (yǔqìzhùcí). В одном из Интернет-словарей перевод данного термина на русский язык звучит именно как «модальная частица» [24]. В книге по теоретической грамматике китайского языка В. А. Курдюмова приводятся взгляды разных китайских ученых на границы частей речи в китайском языке. Помимо термина 语气助词 здесь также встречаются термины 语气词 (yǔqìcí) и 语助词 (yǔzhùcí) [21]. Термин 语气词 наряду с термином 语气助词 является самым употребительным по отношению к рассматриваемому классу частиц. Помимо монографии В. А. Курдюмова, мы встретили его и в некоторых китайских источниках [25–27].

В одной из книг по грамматике китайского языка нами было обнаружено несколько иное использование термина 语气助词 [28]. Здесь он трактуется более широко и включает два подкласса: междометия, располагаемые в начале высказывания, и частицы, располагаемые в конце высказывания. При этом второй подкласс включает в себя три вида частиц: временные частицы (事态助词 — shìtài zhùcí), вопросительные частицы (疑问助词 — yíwèn zhùcí) и собственно модальные частицы (情态助词 — qíngtài zhùcí). В других изученных нами литературных источниках категория 语气助词 не разделяется на подобные подклассы, отмечается лишь отнесенность междометий к данной категории как обособленного класса частиц [29, с. 403].

Количество модальных частиц в китайском языке точно определить весьма трудно, этот класс лексических единиц отличается невероятным разнообразием.

Наиболее полный список модальных частиц китайского языка «путунхуа», на наш взгляд, представлен в справочнике «Практическая грамматика китайского языка» (《实用汉语语法》 — “Shíyòng hànyǔ yǔfǎ”) [29, с. 406–407]. Здесь количество указанных модальных частиц, включая возможные фонетические разновидности одной частицы, достигает тридцати двух. В других книгах по грамматике китайского языка в основном рассматриваются лишь самые употребительные частицы, но набор этих частиц в разных источниках неодинаков: «Практическая грамматика современного китайского языка» (《实用现代汉语语法》 — “Shíyòng xiàndài hànyǔ yǔfǎ”) — 啊 (a)、吧 (ba)、吗 (ma)、呢 (ne)、的 (de)、了 (le)、罢了 (bàle)、而已 (éryǐ)、嘛 (ma)、呗 (bei) [30]; «Грамматика китайского языка в схемах» (《图示汉语语法》 — “Túshì hànyǔ yǔfǎ”) — 吗、啊、呢、的、吧、了、呗 [25]; «Толкование служебных слов современного китайского языка» (《现代汉语虚词讲义》 — “Xiàndài hànyǔ xūcí jiǎngyǐ”) — 啊、吧、吗、呢、嘛、了、罢了 [31]; «Справочник по грамматике» М. Г. Фроловой — 啊、吧、啦 (la)、了、吗、嘛、呢 [19]. Разнообразие модальных частиц китайского языка достигается также за счет диалектных вариантов. Например, в диалекте Сян, распространенном в провинции Хунань и на севере провинции Гуанси, в вопросительных предложениях используются частицы 㗎 (an, здесь и далее чтение дается на путунхуа) и 㗎哩 (ruoli): 今日星期一㗎? = 今天星期一呀? (Jīntiān xīngqī yī ya?) [32, с. 45] — *Сегодня понедельник?*; 其去哩㗎? = 他去了吗? (Tā qù le ma?) [32, с. 46] — *Он ходил?*

Все модальные частицы китайского языка обладают некоторыми общими характеристиками: не имеют конкретных денотативных значений; не употребляются самостоятельно, а ставятся после слов и словосочетаний или, чаще всего, в конце предложения; не являются членами предложения; читаются нейтральным тоном [20; 30]. Несколько разных частиц могут стоять подряд в одном предложении: 这件事对你会有影响的啊! (Zhè jiàn shì duì nǐ huì yǒu yǐngxiǎngde ya!) [25, с. 83] — *Это дело может повлиять на тебя!* При таком употреблении может происходить стяжение звуков частиц и образование новой частицы. Основными случаями стяжения являются следующие:

吧㗎 → 呗 (ba ai → bei)	㗎啊 → 吗 / 嘛 (me a → ma)
吧呕 → 嘞 (ba ou → bo)	呢啊 → 哪 (ne a → na)
了啊 → 啦 (le a → la)	哩㗎 → 咧 (li ai → lie)
了呕 → 咯 / 啰 / 喽 (le ou → lo/luo/lou)	了㗎 → 咧 (le ai → lie) [29, с. 446].

У частицы 啊 есть еще одна особенность, которой не обладают другие частицы: менять свое произношение и написание в зависимости от стоящего впереди слога. Следует отметить, что способность частицы 啊 к изменению произношения входит в группу основных фонетических изменений в потоке речи китайского языка, наряду с легким тоном, эризацией и изменением тона [26, с. 86]. Случаи изменения произношения и написания частицы 啊 представлены в таблице. Данная таблица была составлена на основе таблицы, приведенной в одной из китайских книг по грамматике [25, с. 70] с небольшими изменениями и дополнениями.

Из таблицы видно, что существует шесть основных случаев изменения произношения и написания частицы 啊: после центральных/терминалей a, o, e, ê, i, ü; после центральных/терминалей u (включая дифтонги ao, iao); после терминалей n; после терминалей

ng; после особого гласного i, которому предшествуют шипящие zh, ch, sh, r, и после эризованных слогов; после особого гласного i, которому предшествуют свистящие z, s, c. Произношение частицы меняется во всех этих случаях, написание — только в трех из них.

Изменение произношения и написания частицы 啊

前字韵腹或韵尾 + a	“啊”的音变	写法	例子
a, o, e, ê, i, ü + a	ya	呀	她呀、我呀、 饿呀、月呀、 米呀、鱼呀
u (包括 ao, iao) + a	wa	哇	狗哇、苦哇、 跑哇、小哇
n + a	na	哪	难哪
ng + a	nga	啊	香啊
i (zh, ch, sh, r 后), er + a	ra	啊	纸啊、吃啊、 是啊、鸟儿啊
i (z, s, c 后) + a	za	啊	字啊、死啊、 词啊

Классифицировать модальные частицы китайского языка можно по разным признакам. Существует классификация по типам произношения (условно назовем эту классификацию фонетической). Согласно фонетической классификации, выделяется семь групп частиц: группа a, группа ba, группа le, группа ma, группа ne и две группы, в одну из которых входит только одна частица 的, а в другую — составные частицы 罢了、就是了 (jiùshìle)、不成 (bùchéng)、着呢 (zhene) [29, с. 404]. Образование данной классификации тесно связано с уже упомянутой способностью двух частиц к стяжению, а также со способностью частицы 啊 видоизменяться в зависимости от предшествующего ей слога. Зная это, достаточно легко определить состав частиц каждой группы. Однако помимо рассмотренных выше частиц, в группу могут входить и другие модификации одной частицы, не связанные со стяжением. Группа a: 啊 (ā)、呀 (ya)、哇 (wa)、哪 (na)、呕 (ou)、哟 (yo)、呦 (you) (образование частицы 呕 связано с особенностями артикуляции, а частиц 哟 и 呦 — с влиянием на частицу 啊 предшествующего звука); группа ba: 吧 (ba)、呗 (bei)、呗 (bo); группа le: 了 (le)、啦 (la)、咯 (lo)、啰 (luo)、喽 (lou); группа ma: 吗 (ma)、嘛 (ma)、嘛 (ma); группа ne: 呢 (ne)、哪 (na)、哩 (li)、咧 (lie) (哩 — старый вариант написания 呢, сохранившийся в некоторых диалектах) [29, с. 404].

Еще одна классификация связана со способностью нескольких частиц располагаться друг за другом в конце предложения (условно назовем эту классификацию уровневой). В справочниках ее обычно не рассматривают отдельно как классификацию, но нам кажется, что она весьма интересна и заслуживает особого внимания. Согласно этой классификации самые употребительные частицы (啊、吧、了、吗、呢、的) разделяются на три уровня в зависимости от своего положения в конце предложения относительно других частиц [25, с. 82]. Первый уровень — частица 的, второй уровень — 了, третий уровень — 啊、吧、吗、呢. Хорошо видно распределение частиц по уровням на следующем примере: 我们都是亲眼看见的了啊。 (Wǒmen dōu shì qīnyǎn kànjàn de le ya.) [25, с. 82] — Мы все видели собственными глазами! В данном предложении присутствуют частицы всех трех уровней, однако чаще всего

встречается сочетание частиц двух уровней: 他听见我刚才说的话了吗? (Tā tīngjiàn wǒ gāngcái shuōde huà le ma?) [25, с. 83] — Он услышал то, что я только что сказал? Предложения с частицами всех трех уровней тоже часто видоизменяются за счет способности частиц к стяжению. Например, в приведенном выше предложении можно сократить количество частиц с трех до двух, так как при стяжении 了 и 啊 образуется частица 啦: 我们都是亲眼看见的啦。(Wǒmen dōu shì qīnyǎn kànjiàn de la.)

Нами было проведено исследование по определению самых употребительных модальных частиц китайского языка, а также наиболее часто реализуемых ими значений. На начальном этапе исследования мы изучили материал о модальных частицах китайского языка, предлагаемый в отечественных учебных и справочных изданиях. В результате анализа российских учебных изданий было выяснено, что в трех частях учебника Т. П. Задоевко и Хуан Шуин описываются четыре модальные частицы китайского языка: 吗、了、呢、吧; в учебнике А. Ф. Кондрашевского — четыре модальные частицы: 吗、呢、了、吧; в учебнике А. М. Карапетянца и Тань Аошун — пять модальных частиц: 吗、呢、吧、啊、了; в справочнике М. Г. Фроловой — семь модальных частиц: 啊、吧、啦、了、吗、嘛、呢. При этом описание значений модальных частиц во всех изданиях недостаточно подробное.

В связи с недостатком информации о модальных частицах китайского языка и их значениях в отечественных изданиях, на втором этапе исследования мы обратились к источникам на китайском языке. В проанализированных нами изданиях указано следующее количество модальных частиц (включая разновидности одной частицы): «Практическая грамматика китайского языка для иностранцев» (《对外汉语教学实用语法》 — “Duìwài hànyǔ jiàoxué shíyòng yǔfǎ”) — 10 [33], «Грамматика практического китайского языка для иностранцев» (《实用对外汉语教学语法》 — “Shíyòng duìwài hànyǔ jiàoxué yǔfǎ”) — 7 [28], «Практическая грамматика китайского языка» (《实用汉语语法》 — “Shíyòng hànyǔ yǔfǎ”) — 32 [29], «Практическая грамматика современного китайского языка» (《实用现代汉语语法》) — 10 [30], «Грамматика китайского языка в схемах» (《图示汉语语法》) — 7 [25], «Толкование служебных слов современного китайского языка» (《现代汉语虚词讲义》) — 7 [31], «Словарь использования модальных элементов современного китайского языка» (《现代汉语语气成分用法词典》 — “Xiàndài hànyǔ yǔqì chéngfèn yòngfǎ cídiǎn”) — 28 [27]. Следует отметить, что в китайских источниках затрагиваются и двусложные частицы, такие, как 罢了、的话 (dehuà)、而已、就是了、来着 (lái zhe)、咧咯 (liē lō)、似的 (shì de)、也罢 (yě bà)、也好 (yě hǎo)、着呢、好了 (hǎo le). В результате обобщения было выяснено, что во всех семи источниках рассматриваются пять модальных частиц: 啊、吧、呢、了、吗. В шести из семи источников рассматривается частица 的.

Мы предположили, что именно шесть указанных частиц (啊、吧、的、了、吗、呢) и будут считаться наиболее употребительными для китайского языка. Это было подтверждено на третьем этапе исследования с применением метода анкетирования. Исследование с применением метода анкетирования проводилось на базе Хэйлунцзянского университета (КНР, г. Харбин). Выборку составили 100 студентов второго курса факультета русского языка. Возраст респондентов 19–20 лет. Все респонденты являются носителями китайского языка. Проанализировав результаты анкетирования, мы выделили те модальные частицы китайского языка, которые чаще всего используются в устной и письменной речи. Для устной речи ими стали частицы 啊、呢、了、吧、呀、吗, а для письменной — 啊、呢、了、的、吗. Путем

обобщения мы определили шесть указанных выше самых употребительных модальных частиц китайского языка (частица 呀 не вошла в данный список, так как она является фонетической разновидностью частицы 啊). Кроме того, анкетирование помогло сделать вывод о наиболее часто реализуемых значениях модальных частиц. Обобщив результаты анализа китайских изданий и результаты анкетирования, мы определили такие значения для шести самых употребительных модальных частиц китайского языка: для частицы 啊 — обозначение различных чувств и эмоций в восклицательных предложениях; для частицы 吧 — выражение неуверенности в общих вопросах и условных предложениях, а также обозначение согласия и побуждения; для частицы 的 — усиление утверждения, часто реализуемое в двух типах выделительной конструкции 是.....的; для частицы 了 — указание на изменение ситуации или состояния; для частицы 吗 — обозначение общего вопроса; для частицы 呢 — обозначение специального и альтернативного вопросов.

Рассмотрим значения шести самых употребительных модальных частиц китайского языка более детально. Для частицы 啊 большинство респондентов указали именно те типы интонаций, которые чаще всего реализуются в восклицательных предложениях: упрек (你呀你呀! 你让我说你什么好啊! (Nǐya nǐya! Nǐ ràng wǒ shuō nǐ shénme hǎo wa!)) [28, с. 320] — *Эх, ты! Ну и что же я могу тебе сказать!*), радость (我有机会去北京学习, 多好哇! (Wǒ yǒu jīhuì qù Běijīng xuéxí, duōhǎo wa!)) — *У меня есть возможность поехать в Пекин на учебу, как же это здорово!*), удивление (外面的风吹得好大啊! (Wàimiande fēng chuīde hǎo dà ya!)) [27, с. 1] — *Как же сильно дует ветер на улице!*), восхищение (这是一个多么安静美好的夜晚啊! (Zhèshì yíge duōme ānjìng měihǎode yèwǎn na!)) [30, с. 413] — *Это такой спокойный, прекрасный вечер!*). При этом интонацию удивления респонденты посчитали самой распространенной.

На первый взгляд может показаться, что результаты анкетирования и анализа литературы относительно частицы 吧 абсолютно разные: респондентами как наиболее часто реализуемые значения частицы были указаны согласие и неуверенность, а анализ литературы показал в качестве таких значений использование в общих вопросах с оттенком предположения и в побудительных предложениях. Однако так называемая интонация неуверенности, указанная респондентами, может реализовываться и в общих вопросах с частицей 吧, и в условных предложениях с данной частицей, которые рассматривались в шести из семи изученных нами китайских источников (общий вопрос с оттенком предположения: 你快毕业了吧? (Nǐ kuài bìyè le ba?)) [25, с. 81] — *Ты ведь скоро заканчиваешь (учебное заведение)?*; условное предложение: 去吧, 没那么多钱, 不去吧, 朋友会不高兴。(Qù ba, méi nàme duō qián, bú qù ba, péngyou huì bù gāoxìng.) [31, с. 213] — *Если пойти, то денег не так много, а если не пойти, то друзья расстроятся*). Интонация согласия, очевидно, была выбрана большим числом респондентов ввиду ее частого использования в разговорной речи (好吧! (Hǎo ba!)) — *Ладно!*), в литературе ей не было уделено отдельного внимания, скорее всего, из-за относительной простоты использования. Побудительные предложения с использованием частицы 吧 рассматриваются еще на начальном этапе обучения китайскому языку, именно эта интонация чаще всего указывается для частицы 吧 в российских изданиях (你在这儿坐一会儿吧! (Nǐ zài zhèr zuò yíhuìr ba!)) — *Посиди здесь немного!*).

Во всех семи изученных нами китайских источниках рассматривается употребление частицы 的 в рамках выделительной конструкции 是.....的. В большинстве

изданий так или иначе затрагиваются оба типа данной конструкции: конструкция, выделяющая наиболее значимые факты произошедшего события (我是坐火车来的。(Wǒ shì zuò huǒchē lái de.) — *Я приехал на поезде.*), и конструкция, которая используется для выделения частей предложения, обозначающих суждение говорящего о чем-либо (我是会告诉你的。(Wǒ shì huì gàosu nǐ de.) — *Я тебе сообщу.*). В конструкции первого типа 的 не всегда признается модальной частицей. Ввиду того, что могла возникнуть путаница между двумя типами выделительной конструкции, мы не включали вопрос о частице 的 в состав вопросов анкеты, тем более что основное значение этой частицы в принципе одно во всех случаях употребления — усиление утверждения.

Согласно результатам анкетирования, для частицы 了 самым распространенным стало использование в повествовательных предложениях. Анализ китайских источников показал, что наиболее часто в повествовательных предложениях частица 了 указывает на изменение ситуации или состояния: 他会说汉语了。(Tā huì shuō hànyǔ le.) — *Он умеет говорить по-китайски (раньше не умел).* Относительно частицы 吗 результаты анкетирования были предсказуемыми: именно вопросительные предложения, а конкретнее — общие вопросы с частицей 吗, рассматриваются еще на начальном этапе обучения китайскому языку, именно вопросительная интонация указывается для частицы 吗 прежде всего как в китайских, так и в российских изданиях (你现在去公园吗? (Nǐ xiànzài qù gōngyuán ma?) — *Ты сейчас идешь в парк?*).

Для частицы 呢 самым распространенным случаем было признано употребление в вопросительных предложениях. В качестве самого распространенного типа вопросительных предложений респонденты указали альтернативный вопрос (你到底是中国入呢? 还是日本人呢? (Nǐ dàodǐ shì zhōngguórén ne? Háishì rìběnrén ne?) [29, с. 426] — *Ты, в конце концов, китаец или японец?*), а в литературных источниках чаще рассматривались специальные вопросы (那么, 您到底想买什么呢? (Nàme, nín dàodǐ xiǎng mǎi shénme ne?) [27, с. 320] — *В таком случае, что же вы, в конце концов, хотите купить?*). Более подробное описание значений шести самых употребительных модальных частиц китайского языка представлено в разработанных нами с опорой на результаты исследования методических материалах «Модальные частицы китайского языка» [34].

Результаты проведенного нами исследования могут быть использованы для дополнения соответствующих разделов лекций по лексикологии и теоретической грамматике китайского языка, а также для более глубокого анализа проблемы категории модальности в китайском языке и частиц как одного из способов ее выражения. Разработанные на основе результатов исследования методические материалы «Модальные частицы китайского языка» предназначены для студентов и преподавателей высших учебных заведений, изучающих и преподающих китайский язык в рамках направлений «Лингвистика», «Связи с общественностью», «Востоковедение и африканистика», «Зарубежное регионоведение», «Международные отношения» и др. Материалы могут быть использованы преподавателями средних общеобразовательных школ с углубленным изучением китайского языка, а также всеми, кто занимается китайским языком самостоятельно.

Литература

1. *Chen Linjun*. Xi xiandai hanyu yanjiuzhongde yuqi yu qingtai // Yuwen xuekan. 2009. N 12. P. 56–58. Доступ локальных компьютеров (pdf).
2. *Zhao Chunli, Shi Dingxi*. Yuqi, qingtai yu juzi gongneng leixing // Waiguo yuwen shuangyue kan. 2011. Vol. 43, N 4. P. 483–500. Доступ локальных компьютеров (pdf).
3. *Peng Lizhen*. Xiandai hanyu qingtai yanjiu. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe, 2007. 472 p.
4. Xiandai hanyu cidian. Zhongguo shehui kexueyuan yuyan yanjiusuo cidian bianjishi bian. Di 5 ban. Beijing: Shangwu yinshuguan, 2005. 1869 p.
5. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Директмедиа паблишинг, 2008 (CD-ROM).
7. *Солганик Г. Я.* Очерки модального синтаксиса: монография. М.: Флинта; Наука, 2010. 136 с.
8. *Горелов В. И.* Стилистика современного китайского языка: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности № 2103 «Иностранный язык». М.: Просвещение, 1979. 192 с.
9. *Готтлиб О. М.* Категория времени в китайском языке (о значениях суффиксов -le и -guo): дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. 156 с.
10. *Романова Т. В.* Модальность. Оценка. Эмоциональность: монография. Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2008. 309 с.
11. *Горелов В. И.* Теоретическая грамматика китайского языка: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.». М.: Просвещение, 1989. 318 с.
12. *Шутова Е. И.* Синтаксис современного китайского языка. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 391 с.
13. *Тань Аошуан*. Проблемы скрытой грамматики: Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка) / Московский гос. ун-т; Ин-т стран Азии и Африки. М.: Языки славянской культуры, 2002. 896 с.
14. *Задоев Т. П., Хуан Шуин*. Начальный курс китайского языка: в 3 ч. Ч. 1. 5-е изд., испр. и доп. М.: Восточная книга, 2010. 304 с.
15. *Задоев Т. П., Хуан Шуин*. Начальный курс китайского языка: в 3 ч. Ч. 2. 4-е изд., испр. и доп. М.: Восточная книга, 2008. 384 с.
16. *Задоев Т. П., Хуан Шуин*. Начальный курс китайского языка: в 3 ч. Ч. 3. 4-е изд., испр. и доп. М.: АСТ: Восточная книга, 2009. 384 с.
17. *Карпатьянц А. М., Тань Аошуан*. Учебник китайского языка: Новый практический курс: в 2 ч. Ч. 1. М.: Вост. лит., 2003. 640 с.
18. *Карпатьянц А. М., Тань Аошуан*. Учебник китайского языка: Новый практический курс: в 2 ч. Ч. 2. М.: Вост. лит., 2004. 527 с.
19. *Фролова М. Г.* Китайский язык. Справочник по грамматике. М.: Живой язык, 2010. 224 с.
20. 300 грамматических правил / сост. Дай Сьюмэй, Чжан Жоин. М.: АСТ: Восток-Запад; Владимир: ВКТ, 2008. 287 с.
21. *Курдюмов В. А.* Курс китайского языка. Теоретическая грамматика. 2-е изд., стереот. М.: Цитадель-трейд; Вече, 2006. 576 с.
22. Практический курс китайского языка / отв. ред. А. Ф. Кондрашевский. 11-е изд., испр.: в 2 т. М.: Восточная книга, 2010. Т. 1. 768 с.
23. Практический курс китайского языка / отв. ред. А. Ф. Кондрашевский. 11-е изд., испр.: в 2 т. М.: Восточная книга, 2010. Т. 2. 744 с.
24. Сайт любителей современного китайского языка 大БКРС. URL: <http://bkrs.info/slovo.php?ch=语气助词> (дата обращения: 06.12.2013).
25. *Tushi hanyu yufa / Geng Erling bianzhu*. Beijing: Beijing yuyan daxue chubanshe, 2010. 255 p. [Chinese Grammar in Graphics / ed. by Geng Erling. Beijing: Beijing Language and Culture University Press, 2010. 255 p.]
26. Xiandai hanyu / Qi Huyang zhubian. Beijing: Shangwu yinshuguan, 2007. 539 p.
27. Xiandai hanyu yuqi chengfen yongfa cidian / Qi Huyang zhubian. Beijing: Shangwu yinshuguan, 2011. 567 p.
28. *Lu Qinghe*. Shiyong duiwai hanyu jiaoxue yufa. Beijing: Beijing daxue chubanshe, 2006. 501 p.
29. *Fang Yuqing*. Shiyong hanyu yufa. 3 ban. Beijing: Beijing yuyan daxue chubanshe, 2009. 513 p.
30. *Liu Yuehua, Pan Wenyu, Gu Wei*. Shiyong xiandai hanyu yufa. Zengding ben. Beijing: Shangwu yinshuguan, 2001. 1005 p.

31. *Li Xiaoqi*. Xiandai hanyu xuci jiangyi. Beijing: Beijing daxue chubanshe, 2005. 256 p.
32. Hanyu fangyan yiwen fanchou bijiao yanjiu / Shao Jingmin, Zhou Juan, Peng Xiaochuan, Shao Yi, Gan Yuen, Ceng Yiping. Guangzhou: Jinan daxue chubanshe, 2010. 329 p.
33. *Lu Fubo*. Duiwai hanyu jiaoxue shiyong yufa. Beijing: Beijing yuyan daxue chubanshe, 2010. 281 p.
34. *Науменко С. В. Симатова С. А.* Модальные частицы китайского языка: метод. материалы. Чита: ЗабГУ, 2013. 49 с.

Статья поступила в редакцию 30 июля 2014 г.

Контактная информация

Симатова Софья Андреевна — магистрант; sonyachita14@mail.ru

Simatova Sofya A. — graduate student; sonyachita14@mail.ru